

СЕМАНТИКА НЕЛЕПОСТИ НА МЕТАФИЗИЧЕСКОМ ЦИФЕРБЛАТЕ АНТИУТОПИИ: РОССИЙСКИЕ ИНТЕНЦИИ

В.Б. Малышев

ФГБОУ ВО «Самарской государственной технической университет» (Самара, Россия)

Для цитирования: Малышев В.Б. Семантика нелепости на метафизическом циферблате антиутопии: российские интенции. *Аспирантский вестник Поволжья*. 2022;22(3):64-67. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.64-67

■ Сведения об авторе

Малышев В.Б. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук. ORCID: 0000-0002-3248-7920
E-mail: vlmaly@yandex.ru.

Рукопись получена: 10.05.2022

Рецензия получена: 15.06.2022

Решение о публикации: 28.06.2022

■ Аннотация

Проблема нелепости – многомерная проблема философской антропологии, она поднимает вопрос о человеке постсовременности, о существовании человека в мире антиутопии. Через семантику нелепости становится возможным комплексное рассмотрение проблем эстетического, гносеологического, культурологического свойства в контексте постановки фундаментального вопроса о человеке, о человеке в принципе.

Цель – соотнести семантику нелепости и концепцию метафизического циферблата. Нелепость рассматривается как разрушение идеальной архитектуры метафизического циферблата антиутопии. Тексты антиутопий (романы Евгения Замятина, Джорджа Оруэлла, Олдоса Хаксли, Рэя Бредбери) соотносятся с текстами русской культуры (произведения Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя). Они рассматриваются как символический «фон» бытия человека в качестве «нелепого существа». Именно на фоне символического циферблата антиутопии ценны те, казалось бы, нелепые человеческие качества, от которых воображаемое общество хочет отказаться.

■ **Ключевые слова:** нелепость; абсурд; метафизический циферблат; семантика; проблема человека; химеры мышления.

■ **Конфликт интересов:** не заявлен.

SEMANTICS OF ABSURDITY ON THE METAPHYSICAL CLOCK OF DYSTOPIA: RUSSIAN INTENTIONS

Vladislav B. Malyshev

Samara State Technical University (Samara, Russia)

Citation: Malyshev VB. *Semantics of absurdity on the metaphysical clock of dystopia: Russian intentions. Aspirantskiy vestnik Povolzhya*. 2022;22(3):64-67. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.64-67

■ Information about author

Vladislav B. Malyshev – PhD, Professor of the Department of Philosophy and Social-Humanitarian Sciences. ORCID: 0000-0002-3248-7920
E-mail: vlmaly@yandex.ru

Received: 10.05.2022

Revision Received: 15.06.2022

Accepted: 28.06.2022

■ Abstract

The problem of absurdity is a multidimensional problem of philosophical anthropology, it raises the question of the postmodern man, about the existence of man in the world of dystopia. Through the semantics of absurdity, it becomes possible to consider the problems of aesthetic, epistemological, cultural properties in the context of posing a fundamental question about a person, about a person in principle.

Aim – to correlate the semantics of absurdity and the concept of a metaphysical clock. Absurdity is regarded as the destruction of the ideal architectonics of the metaphysical clock of dystopia. The texts of dystopian novels by Evgeny Zamyatin, George Orwell, Aldous Huxley, Ray Bradbury are compared with texts of the Russian culture by Fedor Dostoevsky, Nikolay Gogol. The dystopias are considered as a symbolic "background" of human existence as a "ridiculous being". It is on the symbolic clock of dystopia, those ridiculous human qualities, which an imaginary society wants to abandon, seem to be the most valuable.

■ **Keywords:** absurdity; absurd; metaphysical clock; semantics; human problem; chimeras of thinking.

■ **Conflict of interest:** nothing to disclose.

– Знай, послушник, что нелепости слишком нужны
на земле. На нелепостях мир стоит, и без них, может
быть, в нем совсем ничего бы и не произошло.

Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»

стать философом не должен бояться абсурда [1]. Проблема нелепости, сводя в один эвристический клубок проблемы эстетического, гносеологического, культурологического свойства, в эпоху развития антиутопических проектов особенно рельефно ставит вопрос о человеке, о человеке в принципе [2; 3; 4]. Итак, проблема нелепости – многомерная проблема философской антропологии, она поднимает вопрос о человеке постсовременности, о сохранении человека как такового в мире антиутопии.

Актуальность проблемы нелепости в двадцать первом столетии, в эпоху геополитических противостояний, столкновения цивилизаций имеет два аспекта. Первый – вопрос о самом существовании человека как особого рода сущего

АКТУАЛЬНОСТЬ

Идея настоящего исследования имеет свою достаточно длительную предысторию, проходя сквозь эпохи. Это веки на пути становления идеи. Однако, проходя сквозь призму теории познания, сквозь горнило диалектической мысли, она затем попадает в сферу антропологии. Даже в области философии науки много было сказано о нелепости. Именно в этом смысле Бертран Рассел отмечал, что желающий

в эру трансгуманизма, человека как человека. Второй, так как слова «лепота» и «нелепость» с русскоязычной семантикой – об особенностях уникальной русской культуры в целом, об особенностях отечественного мирозерцания.

В философской мысли эпохи Возрождения, в трудах великих физиков и математиков XX столетия, в методологических изысканиях советских ученых речь идет о нелепости как о некоей конструктивной «глупости». Особым образом проблема нелепости выводится в отечественных текстах романов антиутопий, в особенности в романе Е. Замятина «Мы» [5].

Конструктивный эвристический потенциал нелепости лучше постигается через синонимы, существующие в одном с данным термином семантическом «гнезде». Нелепость как та самая полезная «глупость», о которой высоким стилем писал Эразм Роттердамский [6], нелепость как архетипическое «искусство дурака», аспекты которого мы находим в волшебных сказках и эзотерической культуре в целом. Нелепость как частое обрамление искусства любви, которое отражено в мифологии, литературных и философских текстах... Особенно острым становится дискурс нелепости при сопоставлении текстов антиутопий с текстами Ф.М. Достоевского, на что в эпоху пандемии обращают внимание видные российские исследователи [4].

СЕМАНТИКА НЕЛЕПОСТИ И КОНЦЕПЦИЯ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ЦИФЕРБЛАТА

В настоящем исследовании особенно важно соотнести семантику нелепости и концепцию метафизического циферблата [7]. Известен целый ряд базовых метафор, проливающих свет на проблему антиутопического устройства общества. Циферблат часов является в этом смысле достаточно конструктивной фоновой метафорой [7:91-113]. Здесь социальное устройство является своеобразным нисхождением и проекцией метафизического миропонимания. Циферблат часов как метафора является весьма лаконичной, внятной и семиотически насыщенной. Она включает в себя самую важную онтологическую процессуальность – семантику и прагматику времени. Она также связана с уникальным для европейской культуры конструктом – понятием математической *схемы*. Согласно И. Канту, кажется, что трансцендентальная схема – это частично символ, отчасти образ, а на самом деле нечто третье. Схема совмещает в себе органическую символичность и механистическую утилитарную значимость [7:99]. В конечном счете в нашем исследовании мы акцентируем внимание на онтологических истоках антиутопии, а не на фактологии, и это уводит нас от семантики к трансцендентальной прагматике и этике.

Согласно словарю В. Даля, «лепый» – хороший, красивый, прекрасный, благовидный [8:354]. Привести социальный мир к состоянию «лепости», «навести глянec» на метафизический циферблат математического разума – не это ли одна из основных интенций европейской культуры нового и новейшего времени? Современный человек ценится как элемент информационного банка данных, звено в цепи потребления. В этом смысле хорошим для современного постиндустриального общества на языке О. Хаксли

является «товаропотребляющий гражданин». Слово *нелепый* в числе прочего означает признание ущербным того, что раньше казалось наилучшим и правильным. «Контентонепотребляющий» гражданин, *не живущий онлайн, не присутствующий* везде дистанционно, *не пользующийся гаджетами, читающий бумажные книги, живущий рыцарскими идеалами* несколько «странен» для современности, не говоря об обществе антиутопии, где он точно был бы *нелеп*. Хотелось бы подчеркнуть, что главное для нас – нелепость как средство, а не нелепость как цель. «Лепый», прекрасный, дивный новый мир пленительно влечет своей трансэстетикой, но дело не столько в его красоте, сколько в архитектонике. Лепота, или красота архитектонична и несет в себе аполлоновское начало, нелепость же феерична и дионисична. Понятие нелепости эвристически ценно своим напоминанием о необходимости отмены ложной архитектоники – архитектоники социального устройства, архитектоники потребления, архитектоники мышления, принудительной архитектоники смысла. Недаром, говоря о нелепости, персонажи «Братьев Карамазовых» Ф. Достоевского, говорят о бунте [9]. Слова Ивана Карамазова Алеше о необходимости добра с кулаками – «для удовлетворения нравственного чувства расстрелять» – [9] лишний раз напоминают об абсурдной генеалогии человеческой морали, о чем так ярко напоминают тексты Ф. Ницше. Нелепость – прежде всего нарушение, даже разрушение архитектоники идеального утопического мира. Замкнутый на себя мир метаисторического циферблата правильности, благовидности для преодоления избытка конформизма требует своего ритуального нарушения, говоря лотмановским языком, преодоления семиотической границы. Нарушение кода, некая семиотическая аномалия, абсурд создают прецеденты для принятия новых критериев «лепости», наилучшего. Впрочем, современная культура несет в себе определенный потенциал культурных взрывных инверсий и трансформаций. Да, надо признать, что все еще не так плохо, культ нелепого как особого рода стремление к эклектике присущ современной культуре. Особая роль здесь принадлежит эзотерической культуре. Эклектичная смесь магии, фантастики научных данных, домыслов и невероятных гипотетических предположений в проектах Игоря Прокопенко при *самой жесткой критике* тем не менее несет в себе животворный потенциал эвристической нелепости, прорывающей ткань консервативных косных представлений о мире. Если же говорить о западной культуре, наблюдающаяся в мире экспансия медийного фэнтези, бум нелепых нечеловеческих существ – хоббитов, эльфов, гномов, драконов, «белых ходяков» – помимо прочего, отсылает к необходимости высвобождения воображаемого в антропологической проекции. Химера нелепа, она есть соединение несоединимого. Нелепость химерична, а значит, исходит из сферы внечеловеческого. Но именно внечеловеческое является тайным ресурсом человеческого состояния. Человеческое призвано к особого рода преобразованию внечеловеческого как трансцендентного – трансценденталий Бога, природы, вещи, языка [7]. Воображаемое, само по себе имея нечеловеческую природу, будучи высвобожденным, освежает, укрепляет, освещает

особым ореолом человеческое существование. Таким образом, дело не в наличии некоего метафизического или любого иного циферблата, которым экранируется первичная реальность – бытие, природа, мир духа. У любого циферблата есть свои способы и уровни экранирования, установления пределов порядка среди хаоса. Дело в естественном процессе преобразования природной энергии, содержащейся в бессознательном, иначе у человеческой культуры истощится окончательно энергетический потенциал (об этом писал Л. Уайт), и начнутся метастазы системы.

Отдельно стоит сказать о проекте «двоемыслия» и других химерах сознания, с которыми мы имеем дело в романе «1984» Дж. Оруэлла. Это действительно особый вариант антиутопии. Постулируя, что «действительность существует в человеческом сознании и больше нигде» [10:250], Дж. Оруэлл поднимает проблемы гораздо более широкие, чем это необходимо для антиутопического дискурса. В романе «1984», в отличие от других антиутопических проектов, акцент делается на деструкции мышления до стадии нечеловеческой нелепости, духовного уродства. Нелепости или химеры мышления, продуцируемые элитой тоталитарного государства в романе Дж. Оруэлла, являются не избыточными внешними элементами системы, а, напротив, системообразующими принципами мышления, на которых система основана. Двоемыслие, «бело-черный», множество выражений новояза – вот простые подтверждения важности химер мышления в утопической Океании. Напомним слова О'Брайена в адрес главного героя, что тот «последний человек», что человек как вид умер, и только некие фашиствующие нечеловеки наследуют землю [10]. Цель полиции мыслей в Океании – выхолостить сознание, сделать его предельно управляемым, расщепленным, мозги промытыми, а волю морально уничтоженного индивида предельно послушной [10]. Глупость здесь стала так же необходима, как ум. Сформированная искусственно динамика мышления с ее разрушенной архитектурой, где балом правит нелепость, подчинена тому единственному, что *лепо*, прекрасно и вечно – политике правящей элиты, воле Большого брата.

Метафизический циферблат абстрактного европейского мышления, понятый как «механизм без единой соринки» (Е. Замятин) [5], как некая стеклянная мембрана, отделяющая правильный мир от неправильного, «посюстороннее» от потустороннего, нормальное от ненормального, формирует некий метафизический запрет на нелепость. «Борода» нелепости обрамляет состояние «дикого», стихийного бытия природы в противовес приглаженному, стерильному существованию человека в искусственной среде техногенной цивилизации, что особенно характерно для текста романов-антиутопий. Человек «естественный», появившийся не из пробирки, не путем клонирования, становится символическим Дикарем, нарушителем спокойствия и порядка в мире антиутопии, в конечном счете лишним элементом цивилизации антиутопического будущего, как это показано в «Дивном новом мире» О. Хаксли. Общность, одинаковость, стабильность, о которых говорит в романе Хаксли, как некие доминанты глобализации, «боканоуэскизации» людей уже не терпят романтического мироотношения [11].

И это не констатация ницшеанского «Бог умер», это гораздо более жесткая метафизическая битва, битва на уничтожение человеческого *в самом истоке, в принципе*. Слова персонажа О. Хаксли Мустафы Монда о том, что «Бог не совместим с машинами, научной медициной и всеобщим счастьем» [11:318], должны отрезать субъекта, очарованного постутопическими идеалами. И в паноптикуме такого коммуникативного сообщества невозможно сосредоточение мысли. Всякое подлинное мышление в сети сенсорного контента невозможно в принципе. «У нас одиночества нет, – говорит Мустафа Монд. – Мы внедряем в людей нелюбовь к уединению и так строим их жизнь, что оно почти невозможно» [11:319].

РУССКАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРОТИВОВЕС МЕТАФИЗИЧЕСКИМ И МЕТАИСТОРИЧЕСКИМ ЦИФЕРБЛАТАМ

В связи с вышеприведенными утверждениями вполне уместно было бы обратиться к доминантам русской культуры, представив ее в качестве противовеса различного рода метафизическим и метаисторическим циферблатам, матрицам, суперсистемам, расчеловечивающим и человеконенавистническим проектам. Бесконечные споры о сущности Русской идеи, туманность этого проекта рассеет в один миг простая интенция. Это именно то, чего боятся всякого рода антиутопические матрицы общественного устройства, – то самое стремление к уединенному размышлению, к созерцанию красоты, «лепоты» природного бытия. Считать высшим смыслом жизни то самое стремление либо «мыслить и страдать», либо ощутить «радость одиноких дум».

Проведем мысленный эксперимент. За основу возьмем образ Руси как птицы-тройки из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. Задача – семантически понять и достроить этот образ в воображении для лучшего понимания. Если мы его достраиваем телесно, уплотняем физически, то получается именно классическая химера, Змей-Горыныч русских сказок. Действительно, птица-тройка – нечто, имеющее три головы, и с крыльями. Полученный образ довольно *нелеп*. Если же мы движемся в сторону разуплотнения образа, стремимся придать ему некую возвышенную эфемерность, воздушность, консистенцию небесного творящего света, можно понять гоголевский образ птицы-тройки как аллегорию мысли, балансирующей между двумя крайностями – мышления через страдание и мышления как радости «одиноких дум» как особого рода наслаждения. При этом метафорические «одинокие думы» не являются только лишь думами, мыслью в чистом виде. Неслучайно автор прозаической поэмы о России не получает, не может получить ответ на вопрос – «куда же несешься ты, Русь?» («куда же несешься ты, мысль русская?»). Такое мышление не выхолощено, оно является онтологическим «здесь и сейчас», мышлением в режиме реального времени, живого времени самой природы. Такое мышление не останавливает сила слова, ведь «мысль изреченная есть ложь» (Ф.И. Тютчев). Это свободная мысль, свободная от любых штампов, интеллектуального рабства и преклонения перед философскими авторитетами, логическими правилами, метафизическими паттернами. Ничем не останавливаемое, не имеющее

условных пределов мышление «здесь и сейчас» охватывает любой возможный онтологический горизонт в мгновение ока [12]. Пределов здесь действительно нет, время для такого мышления относительно, в любом случае мысль опережает любые мыслимые скорости материального мира, метафорически несется со скоростью, превышающей скорость света. Таким образом, отказываясь от стратегии выстраивания химер воображаемого в отечественной культуре в сторону их уплотнения, ложной реификации и ухода в пространство возвышенного воображаемого, мы актуализируем лучшие смыслы русской культуры, ориентированной на реализацию некоей трансценденции, несбыточной мечты, которая парадоксальным образом сбывается. Химера нелепа только в низших своих проявлениях, в мире очищенного воображаемого химера становится тем чудесным конем русских волшебных сказок, который помогает преодолеть любые кажущиеся трудности, любые мнимые проблемы, побеждать не числом, а умением.

Таким образом, любая кажущаяся нелепость в русской культуре сказочным образом становится гармонией, красотой, совершенством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в настоящем исследовании тексты антиутопий рассматриваются как символический фон для лучшего понимания места и роли нелепости в жизни человека как своеобразного «нелепого существа». Символическими моделями понимания будущего человечества стали тексты Евгения Замятина, Джорджа Оруэлла, Олдоса Хаксли. Системность и отформатированность мышления людей в воображаемом обществе антиутопии сводит противоречивость и сложность сознания человека к минимуму, подводя траекторию его жизни к некоей абсурдной математической формуле. И именно на фоне символического циферблата антиутопии становится особо ценным то в человеке, от чего воображаемое общество будущего хотело бы отказаться. Проблема нелепости, термина, который звучит, казалось бы, не эстетично, на самом деле вскрывает фундаментальные онтологические константы, по-новому поднимая проблему человека в цифровую эру, в эру, когда начинают воплощаться в действительность антиутопические проекты.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Rassel B. *Problems of Philosophy*. Novosibirsk, 2001. (In Russ.). [Рассел Б. *Проблемы философии*. Новосибирск, 2001].
2. Antropova EV. Genre features of nomination in dystopias (an analysis of russian and english texts). *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 2021;2(844):60-71. (In Russ.). [Антропова Е.В. Жанровые особенности номинации в текстах антиутопии (на материале русского и английского языков). *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*. 2021;2(844):60-71]. doi: 10.52070/2542-2197_2021_2_844_60
3. Golovneva YuV. The Sun and Boreas: the juxtaposition of the dystopias by E.I. Zamyatin's and G.Orwell's the basis of their characters' inner world. *Vestnik RUDN. Teoriya jazyka. Semiotika. Semantika*. 2017;8(2):257-266. (In Russ.). [Головнева Ю.В. Солнце и Борей: сопоставление антиутопий Е.И. Замятина и Дж. Оруэлла на материале метафор внутреннего мира их героев. *Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017;8(2):257-266]. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-257-266
4. Tulchinskij GL. Dostoevsky: dystopias of the 20th century and a warning about the present. *Filosofija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki*. 2021;5(3):56-72. (In Russ.). [Тулчинский Г.Л. Достоевский: антиутопии XX века и предупреждение о настоящем. *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2021;5(3):56-72]. doi: 10.17323/2587-8719-2021-3-56-72
5. Zamyatin EI. *We*. SPb., 2013. (In Russ.). [Замятин Е.И. *Мы*. СПб., 2013].
6. Roterodamus E. *Moriae Encomium, sive Stultitiae Laus*. M., 2018. (In Russ.). [Роттердамский Э. *Похвала глупости*. М., 2018].
7. Malyshev VB. *Metaphors of modernity*. Samara, 2012. (In Russ.). [Мальшев В.Б. *Метафоры современности*. Самара, 2012]. ISBN 978-5-93424-647-2
8. Dal VI. *Explanatory dictionary of the Russian language: Modern spelling*. M., 2003. (In Russ.). [Даль В.И. *Толковый словарь русского языка: Современное написание*. М., 2003].
9. Dostoevsky FM. *The Brothers Karamazov*. M., 2021. (In Russ.). [Достоевский Ф.М. *Братья Карамазовы*. М., 2021].
10. Orwell G. *1984*. SPb., 2005. (In Russ.). [Оруэлл Дж. *1984*. СПб., 2005].
11. Huxle AL. *Brave New World*. M., 2020. (In Russ.). [Хаксли О. *О дивный новый мир*. М., 2020].
12. Malyshev VB. The architectonics of the moment: from the agglutination of chimerical images to the architectonics of time. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN. Socialnye, gumanitarnye, med.-biol. nauki*. 2018;20(6):68-73. (In Russ.). [Мальшев В.Б. Архитектоника мига: от агглютинации химерических образов к архитектонике времени. *Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, мед.-биол. науки*. 2018;20(6):68-73].

■ Автор для переписки

Мальшев Владислав Борисович
Адрес: ул. Куйбышева, 104, кв. 31, г. Самара, Россия, 443099.

■ Corresponding Author

Vladislav B. Malyshev
Address: ap. 31, 104 Kuibyshev st., Samara, Russia, 443099.

E-mail: vlmaly@yandex.ru